

Ekaterina V. Zakharova

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia

Anna A. Makarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia

In Search of Toponymic Borders in Belozerye

Voprosy onomastiki, 2016, Volume 13, Issue 1, pp. 7–29

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.001

Language of the article: Russian

Захарова Екатерина Владимировна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Макарова Анна Андреевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Муллонен Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

В поисках топонимических границ в Белозерье

Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 7–29

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.001

Язык статьи: русский

СТАТЬИ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.001
УДК 811.161.1'373.21 + 811.511.111'373.21

Е. В. Захарова*
А. А. Макарова**
И. И. Муллонен*

*Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН

Петрозаводск, Россия

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

В ПОИСКАХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В БЕЛОЗЕРЬЕ*

В статье представлены некоторые итоги экспедиции по сбору топонимического и лексического субстрата в Белозерье, состоявшейся летом 2015 г. Для обследования была выбрана юго-западная часть Белозерского района вокруг озера Андозеро, поскольку здесь могла проходить граница, разделяющая зону субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения (ближайшие вепсские поселения находятся в 70 км) и субстратной топонимии волжско-финского типа (Андозеро расположено в верховьях реки Андоги, входящей в бассейн Волги).

Авторы статьи сосредоточиваются на анализе детерминантов, восходящих к ландшафтным терминам субстратного происхождения: массовость и регулярность, а также возможность проводить ареалирование делают их наиболее надежным источником

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.fli.ru>), проект А-18 «Экспедиция по сбору топонимического и лексического субстрата в Белозерье» (рук. И. И. Муллонен, Карельский научный центр РАН), проекта РГНФ № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» (2014–2016), а также в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

© Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И., 2016

реконструкции субстратного языка Белозерья. Выделяется ряд детерминантов, часть из которых распространена только на территории Белозерья и может быть связана с субстратными языками Белозерья (-*гумузь*, -*солово*). Некоторые детерминанты представлены на территории Белозерья (-*лойда*, -*похта*), но при этом имеют параллели в топонимии прибалтийско-финского типа северо-западнее и севернее Белозерья.

В исследованиях последнего времени высказывается мысль о том, что до славянизации Белозерье могло входить в ареал южной группы прибалтийско-финских языков. Сосуществование внутри одного топонима структур с «финскими» и «саамскими» этимологиями (*Ваносмень*, *Шундомень*, *Кибой* и т. п.) позволяет предполагать бытование на Андозере особого языка прибалтийско-финско-саамского типа. Видимо, речь должна идти о финно-угорском языке, относящемся к западной группе уральской языковой семьи, который, с одной стороны, не поглотил субстратный языковый элемент (условно палеоевропейский), являющийся маркером саамской речи, и, с другой стороны, не испытал в полной мере германского воздействия, которое сыграло важную роль в формировании прибалтийско-финских и в определенной степени саамских языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, прибалтийско-финские языки, саамские языки, Белозерье, субстратная топонимия, географическая терминология, топонимические ареалы, этимология, языковые контакты.

В конце июня — начале июля 2015 г. состоялась совместная экспедиция сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (И. И. Муллонен, Е. В. Захарова) и Уральского федерального университета (А. А. Макарова) в зону общих интересов — на территорию Белозерья. Для обследования была выбрана юго-западная часть Белозерского района, окружающая оз. Андозеро, а именно территория Панинского сельского поселения (севернее оз. Андозеро) и Визьменского сельского поселения¹ (южнее оз. Андозеро).

Указанный субрегион обследовался ранее силами сотрудников Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в выездах 1967 г., 1980-х гг. и 2005 г. Проведенная экспедиция позволила проверить и уточнить собранные ранее материалы, а также зафиксировать новые топонимы. Сбор материала был значительно осложнен тем, что исчезновение деревень в данной зоне происходит с катастрофической скоростью.

Выбор территории окрестностей Андозера обусловлен тем, что именно здесь, судя по некоторым косвенным свидетельствам, может проходить граница, разделяющая зоны субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения и субстратной топонимии волжско-финского типа, определяемой предварительно как «мерянская». Вероятно, наличие этой границы было обусловлено местоположением оз. Андозеро — оно, с одной стороны, расположено в верховьях р. Андоги, входящей в волжский бассейн, а с другой стороны, находится в соседстве

¹ Включает в себя территории бывших Визьменского и Георгиевского сельских советов.

с вепсской территорией. Ближайшие вепские поселения располагаются в 70 км к северо-западу от Андозера.

Всего в течение десятидневной экспедиции было обследовано около 20 населенных пунктов, где собрано свыше 1 000 топонимов, из которых более $\frac{3}{4}$ удалось картографировать. Для привязки топонимов к местности использовались карты масштаба 1 : 50 000 и 1 : 100 000. Этот материал введен в электронную базу данных Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и доступен для исследователей.

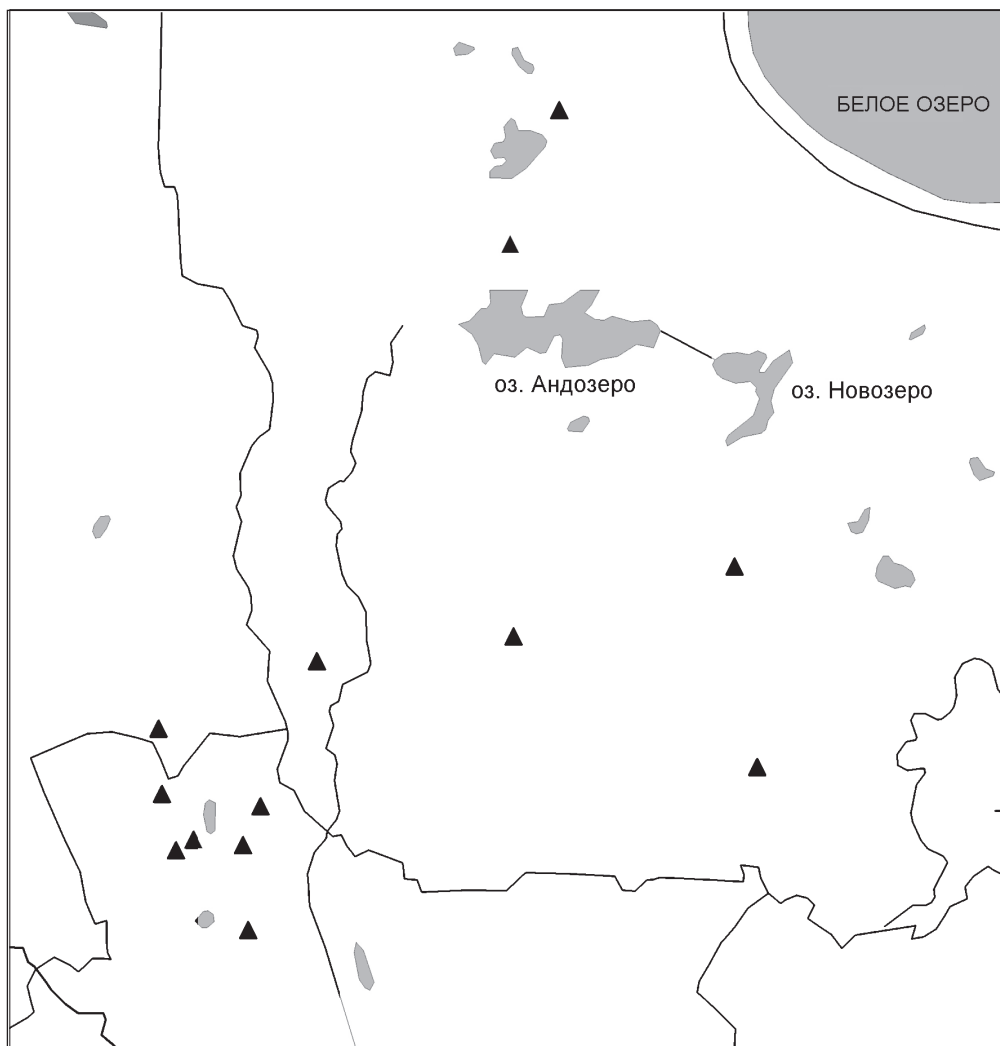
В силу значительного объема и неоднородности собранного субстратного материала в данном отчете мы сосредоточим внимание только на анализе детерминантов сложных топонимов, восходящих к ландшафтным терминам субстратного происхождения. Массовость и регулярность, а также возможность ареализации делают этот класс топонимов наиболее надежным источником реконструкции субстратных языков Белозерья. Поскольку некоторые из детерминантов, представленных в топонимии белозерского региона, рассматривались ранее [Чайкина, 1977; Субботина, 1987; Матвеев, 2001 и др.], мы остановимся на тех из них, которые либо не попали в поле зрения исследователей, либо были проанализированы недостаточно подробно.

Прежде всего, в топонимии исследуемой территории выделяется ряд географических терминов, которые имеют сугубо локальный характер, т. е. распространены только на территории Белозерья и тем самым могут прямо связываться с местными субстратными языками. Некоторые из таких терминов восстанавливаются только по детерминантам субстратных топонимов:

-гумзь/-гумзь (-гумец, -кумец и другие фонетические варианты): б. д. *Везгумз* (в ранних письменных источниках приводится вариант *Везгумз* [Копанев, 1951, прил. 3]); б. д. *Дьяргумзь*; б. д. *Лилигумзь*; б. д. *Лугумзь* (*Лыгумец*); б. д. *Музгумзь* (*Мызгумец*); б. д. *Пергумзь*; д. *Перкумзь* (*Перкумец*); б. д. *Пигмуть* (*Пигумец*, *Пизгумец*); б. д. *Редумзь*; уроч. *Селькумец* (г., уроч., уг. *Челькумец*); б. д. *Сятрумзь* (*Сятрумец*, на карте Белозерского уезда 1865 г. [Новгородский сборник, 1, 55] деревня обозначена как *Сятругумсь*); б. д. *Фегумзь*, лес *Ближний Фегумзь* и *Дальний Фегумзь*; б. д. *Шёлгумзь* (*Шолгумец*, *Шолгумзь*)² — ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haimeh*, *haimez*, *houimeh* ‘пожог (поле в лесу)’, ‘растущие на пожоге хлеба’ [SSA, 1, 133]. Наиболее плотный ареал детерминанта локализован юго-западнее оз. Андозеро — между реками Шогда и Мига, отдельные названия отмечены также южнее и севернее оз. Андозеро (см. карту 1).

А. К. Матвеев включает в рассматриваемую группу названия *Пажгум* и *Петкум*, предполагая для детерминанта вепские истоки [Матвеев, 2001, 214]. При этом, однако, встает вопрос о возможности интеграции приб.-фин. *al* (> вепс.

² Более широкий ряд топонимов этого типа, включая восстановленные названия, приводится в статье Л. А. Субботиной [Субботина, 1987].

Карта 1. Ареал топонимов с детерминантом -гумзь/-гумузь в Белозерье

ai > oi) в русские говоры в виде *у*, особенно с учетом того, что дифтонги *ai* и тем более *oi* в вепском языке являются поздними [см.: Tunkelo, 1946, 608–619, 434–435], тогда как топонимы на -гумзь фиксируются уже в середине XVII в. [Копанев, 1951, прил. 3]. Кроме того, вопрос о происхождении данной группы названий осложняется тем, что в представленных примерах лишь некоторые топоосновы могут этимологизироваться на основе данных вепского языка: б. д. *Дьяргумузь* — ср. вепс. *d'ärv* 'озеро' [СВЯ, 71] (в настоящее время местность вокруг обозначенного объекта сильно заболочена, т. е. не исключено, что раньше

деревня располагалась на берегу озера); б. д. *Пергумзь* — ср. вепс. *pera* ‘задний, противоположный конец какого-л. пространства’ [СВЯ, 408]; б. д. *Редумузь* — ср. вепс. *redu* ‘грязь’ [Там же, 466].

Примечательно, что рассматриваемый термин представлен главным образом в названиях деревень — именно это позволяет соотносить его с прибалтийско-финскими (вепскими) данными, отражающими сельскохозяйственную семантику слова. При этом формы *-гумец*, *-кумец*, по-видимому, являются поздними вариантами детерминанта, а в названии *Сятрумзь* утрачен согласный *з*, что привело в русифицированном варианте к форме *-гумец*.

По данным топонимии восстанавливается еще один локальный термин **солово*, образующий в Белозерье плотный ареал. Он выступает в качестве детерминанта сложных названий, которые именуют в основном острова леса на болоте.

-солово: о-в леса на бол. *Андосолово*; лес на бол. *Баксолово* (*Бассолово*); о-в леса на бол. *Ваньгасолово* (*Вангосово*); пок. *Воросолово*; о-в на бол. *Карсолово*; о-в на бол. *Катсолово*; о-в на бол. *Ке(й)басолово*; о-в леса на бол. *Корсолово* (*Коршелево*); о-в леса на бол. *Кудьмасолово*; о-в леса на бол. *Ку(л)масолово* (*Куммосолово*); о-в леса на бол. *Маньшолово Остров*; пок., поле, уроч. *Матвосолово* (*Матросолово*); о-в леса на бол. *Норносолово* (*Норсолово*; «Остров на болоте, гористый сухой остров, его пахали и сеяли» — Баб, Пожара); лес, уроч. *Обсолово*, пок. *Обсолова Суша*; о-в леса на бол. *Патсоловик* (*Паксоловик*); о-в, лес, оз., пок. *Руссолово*; о-в на бол. *Рыксолово*; о-в леса на бол. *Сниксолово*; о-в леса на бол. *Хобарсолово* (*Хобосолово*); д. *Чёлсолово*; б. д., о-в на бол. *Чёпосолово*; о-в леса на бол., пок. на бол. *Шаймасолово* (*Шаймашолово*); о-в леса на бол. *Шаньшолово*; оз., пок., поле *Ярсолово* — ср. фин. *salo* ‘большой лес, тайга’, ‘островок леса’, ‘большой остров’, ливв. *šalo*, *salo*, люд. *salo* ‘глухой лес’, эст. *salu* ‘лесок, роща; островок на болоте’, ‘холм, находящийся на болоте’ = саам. Луле *suolō*, *suolōv*, норв. *suolo*, кильд. *siel* ‘остров’ (в норвежско-саамском языке и диалекте Луле также ‘островок на болоте’, ‘островок леса’) < балт. [SKES, 956]. К представленным в этих примерах формам детерминанта фонетически наиболее близки саамские данные, особенно лексема *suolōv* диалекта Луле [Матвеев, 2001, 225].

Рассматриваемая группа топонимов представляет собой наиболее значительное скопление названий на *-солово* на территории Русского Севера: все они локализованы в треугольнике, образуемом реками Шогда и Андога до впадения их в р. Суду, т. е. их основной ареал совпадает с ареалом топонимов на *-гумзь/ -гумузь* (см. карту 2).

Отдельные названия на *-солово* отмечены вблизи границ исследуемой территории: западнее — погост *Ваксолово* (басс. р. Вандица > р. Суда), к северу и северо-западу от Белого озера — бол., оз. *Рихасолово* (басс. р. Шола) и лес, уроч. *Полсолово* (басс. р. Кема). Два топонима засвидетельствованы на берегу оз. Воже: пок. *Боксолово* (*Воксолово*) и бол. *Рыксолово* (Кир). Кроме того, несколько единичных названий на *-солово* зафиксировано за пределами Белозерья.

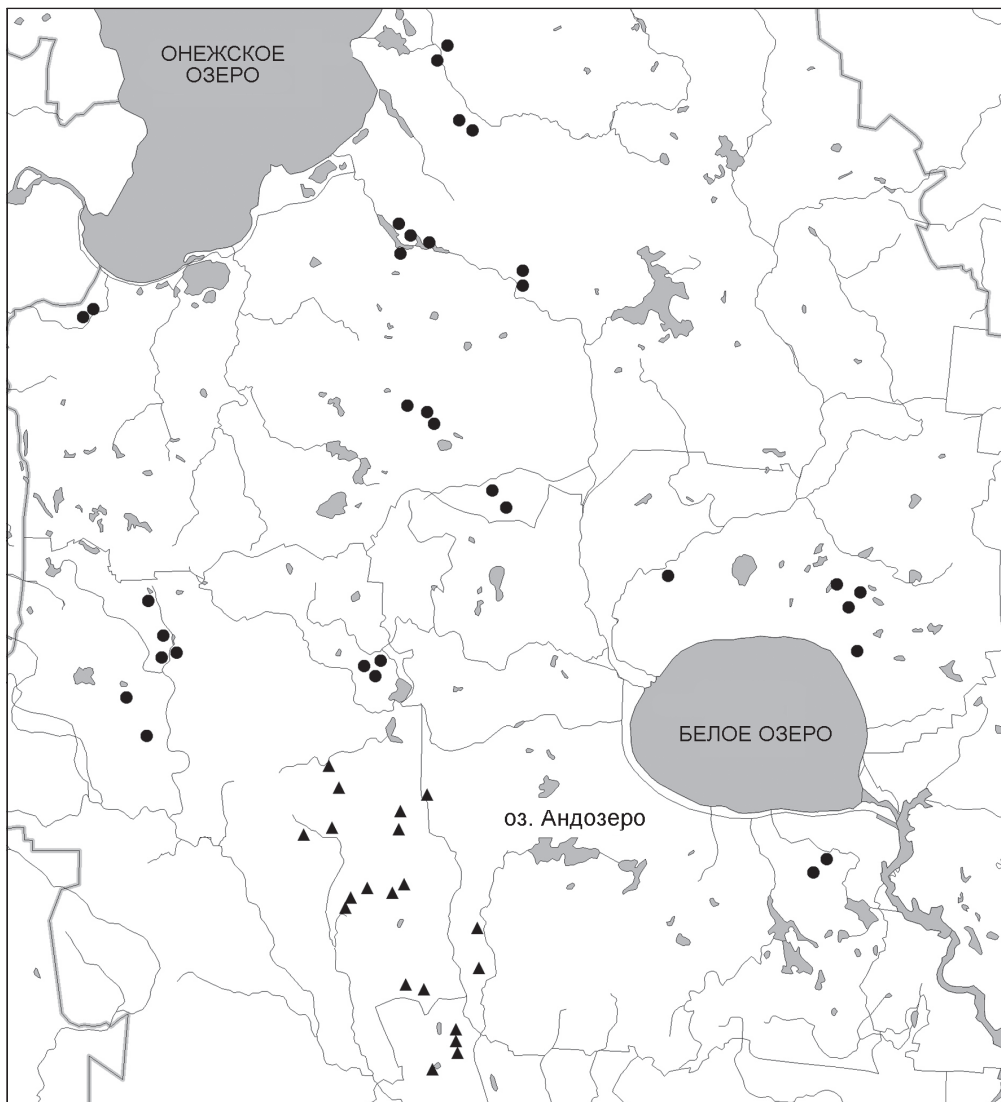
Что касается основ данной группы топонимов, то этимологическую интерпретацию можно предложить лишь для нескольких: *Патсоловик* (*Паксоловик*) — ср. фин., карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’ [SSA, 2, 324]; *Шаймасолово*, ср. *шайма* ‘топкое, заросшее мхом болото’ (Бел, Ваш, Кир) [КСГРС], ‘болотистое пространство, покрытое чахлым мхом’ (Бел) [Тихомирова, 2009, 358], олон. *шайма* ‘низкое болотистое место’ [Куликовский, 1898, 135] — ср. вепс. *šaim* ‘болото с мелким лесом’ [СВЯ, 542] (слово, однако, не имеет параллелей в прибалтийско-финских языках, и у него нет надежной этимологии [см.: Мызников, 2003, 301–302]); *Ярсолово* — ср. вепс. *järv* ‘озеро’ [СВЯ, 97]. Кроме того, для части названий мотивирующими основами могли выступать названия рек, по берегам которых были расположены объекты (ср.: *Андосолово* на берегу р. *Андога*, *Кудьмасолово* на берегу р. *Кудьма*).

Показательно, что топонимы с детерминантом *-солово* составляют ареальную оппозицию прибалтийско-финской модели с детерминантом *-сарь* (ср. вепс. *sar* ‘остров (в озере, реке)’, ‘отдельно стоящий лес (обычно хвойный)’ [Там же, 497]), образующей ареал на смежной территории, которая расположена к северу — северо-западу от территории исследования: *Койсарь*, *Палансарь*, *Персарь*, *Пиксарь*, *Сосарь* и др. Ареальная оппозиция указанных моделей позволяет предполагать, что южная граница бывшего вепсского расселения проходит в верховьях р. Суды, где фиксируется довольно обширный пласт вепсских субстратных топонимов [Муллонен, 2012, 17–19], в то время как на юго-западном побережье Белого озера, вокруг оз. Андозеро и на прилегающих территориях вепсский субстрат выражен не столь ярко на фоне довепсского финно-угорского топонимического пласта. Картографирование материала и выделение ареалов топонимических моделей наглядно подтверждают это предположение (см. карту 2).

Несколько иную ситуацию демонстрируют топонимы с детерминантами *-лойда* и *-похта*. В указанных формах эти детерминанты также представлены только на территории Белозерья, однако в виде *-лайда* и *-пахта* они имеют четкие параллели в топонимии прибалтийско-финского типа северо-западнее и севернее Белозерья. Кроме того, данные термины фиксируются не только в составе субстратных топонимов, но и в самостоятельном топонимическом употреблении (*Лойда*, *Похта*), а также, с некоторыми оговорками, в качестве субстратного наследия в лексике севернорусских говоров.

-лойда: д. *Имолойда*; б. д. *Кызголойда* (*Кызголода*, *Кызглойда*; в списке деревень 1940-х гг. — *Козголода*); б. д. *Кыргода*, *Кыргоды*; к. д. *Лойда*, б. д. *Лойдица*; д. *Перхлойда* (*Перхода*); д. *Шигодские* (в списке деревень 1940-х гг., входивших в Георгиевский сельсовет, значится д. *Шиглойда*); б. д. *Ярглойда* (*Яргода*; «лойда — глинистое место, горы и болото кругом» — Баб, Пожара).

Детерминант *-лойда* фиксируется исключительно в названиях деревень. А. К. Матвеев возводил его к прибалтийско-фин. *laita* ‘середина озера или реки, открытое пространство’, мотивируя этимологию тем, что селения располагаются на краю

Карта 2. Ареалы топонимических моделей на *-солово* и *-сарь* в Белозерье

- ▲ — топонимы с детерминантом *-солово*
- — топонимы с детерминантом *-сарь*

глубоких болот, бывших прежде озерами [Матвеев, 2001, 232]. Учитывая местоположение всех указанных деревень (ныне почти все они заброшены) — на возвышенностях, своего рода «островах», возвышающихся среди обширных болот, можно предполагать, что в основе названий лежит фин., карел. *laita*, вепс. *laid* 'край, бок, конец'. Этимология в данном случае основывается на том, что в финно-угорских языках известна модель семантического развития 'край, конец' →

‘гора’, ср. приб.-фин. *surjä*, которое бытует, с одной стороны, в значении ‘бок, край, конец’, с другой — в значении ‘горка, холм, возвышенность’, саам. *čorrut* ‘расположенный боком’ и *čorru* ‘вершина холма’ [Álgu], саам. *čuollot*, *čuolo* ‘расположенный боком’ восходит к прасаам. **čōlō* ‘крутой’ [Lehtiranta, 1989, 28–29; Álgu]. В эту модель хорошо укладывается как белозерский субстратный детерминант *-лойда*, так и известное в вытегорских говорах нарицательное *лайда* ‘остров’ [СРГК, 3, 91]. Отражение прибалтийско-финского *a* в виде русского *o* может быть связано со временем заимствования лексемы [Матвеев, 2001, 133].

Все топонимы с детерминантом *-лойда* локализованы в треугольнике, образуемом реками Шогда и Андога до впадения в Суду (см. карту 3), тогда как ареал распространения термина *лайда* в топонимии Русского Севера, будучи достаточно разреженным, охватывает побережье Белого моря (в дельте Северной Двины, в устье Мезени и в Карелии, в районе Сумострова), бассейны Пинеги и Уфтьюги, Кенозерье и бассейн Вытегры до впадения в Онежское озеро.

Термин *лайда*, чаще всего встречающийся в названиях заболоченных мест, островов и покосов, фиксируется в самостоятельном топонимическом употреблении (Выг, К-Б, Мез, Пин, Прим), в составе топонимов-словосочетаний (пок. *Демидова Лайда* (Пин), место на берегу *Пимушкова Лайда* (К-Б)), а также в качестве атрибутивного элемента составных названий (*Лайдакорба* (Выг), *Лайдаламбина* (Сегеж)). Виды объектов, в названиях которых выступает рассматриваемый термин, а также географическая характеристика некоторых из них (расположение на краю, в стороне от более крупного объекта или основных путей) позволяют предполагать для него прибалтийско-финские истоки, ср. фин., карел. *laita*, вепс. *laid* ‘край, бок, конец’. «Боковая» семантика термина отражается и в карельских топонимах, ср. названия *Laidaguba* (Суоярв), *Laidaoja* (Кем), *Lidasuari* (Мыез), *Laidniemi* (Мыез), *Ristanlaida* (Питкярант), *Savikkolaida* (Олон) и др. На этом довольно широком фоне просматривается безусловное своеобразие реконструированного белозерского термина.

Ландшафтный термин *похта* в топонимии юго-западного Белозерья фиксируется в качестве детерминанта (д. *Пельпохта*, варианты *Пельпахта*, *Перпахта*, *Перпохта*), в самостоятельном топонимическом употреблении (бол. *Похта*) и в составе топонимов-словосочетаний (место *Родионова Похта* (на оз. Анд-озеро), бол. *Савкинская Похта*). Кроме того, в говорах Русского Севера известно *похта* ‘болото’ (Бел, Выг), ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Бел, Ваш, Выг, Пин), ‘низкий заболоченный берег реки или озера, топкое место около озера’, ‘обмелевшее и заросшее травой озеро’, ‘болотная кочка, которая держится на воде, как плавающий островок’ (Бел), ‘болото, заросшее травой’ (Ваш), ‘болото, поросшее мелким лесом’, ‘окно воды на болоте’ (Бел, Ваш), ‘заболоченное место, сырая низина’ (Баб, Бел, Ваш) [КСГРС], ‘более высокое место в болотистой местности, на котором растет мох’ (Бел) [СРГК, 5, 124].

Вероятно, в этом же ряду следует рассматривать архангельский термин *пахта* ‘болото (сырое и сухое, заросшее и не заросшее травой, кустарником, лесом)’,

Карта 3. Ареал топонимов с детерминантом *-лойда* в Белозерье

‘покос на болоте’, ‘заросшее русло реки’ [Топонимика Кенозера, 2, 19], ‘болото, лишенное растительности’ (В-Т, Пин, Холм), ‘мох, растущий на деревьях’ (Вель, Лен, Пин, Шенк), ‘нарост на стволе’ (Пин), ‘торф’ (Холм), а также *пухта́* ‘узкий залив озера, небольшая бухточка’ (Карг), ‘мох на старых елях’ (Уст), *пѹхта* ‘снег на деревьях’ (Вель, К-Б, К-Г, Ник, Уст), ‘метель, выюга’ (В-Т) [КСГРС]³.

Фонетически соотносимый с *пoxта* термин *пaxта* неоднократно зафиксирован на Русском Севере, в прилегающих районах Карелии и Костромской области

³ Интересно, что последний вариант слова отмечен также на Северном Урале, ср. *пухта* ‘снег на ветвях деревьев’ (Сев. Урал, Свердлов), ‘мох, лишайник, растущий на ветвях деревьев’ (Сев. Урал) [СРНГ, 33, 165]).

в наименованиях болот — в самостоятельном употреблении, в топонимах-словосочетаниях и в роли детерминанта сложных топонимов, ср.: *Пахта*; *Чистая Пахта*; *Валдапахта*, *Гойпахта*, *Лайпахта*, *Леппахта* и др. [Захарова, 2012, 187]. Топонимы с детерминантом *-пахта* отмечены к западу от Онеги, в бассейне Суды, а также западнее нижнего течения Северной Двины и Ваги.

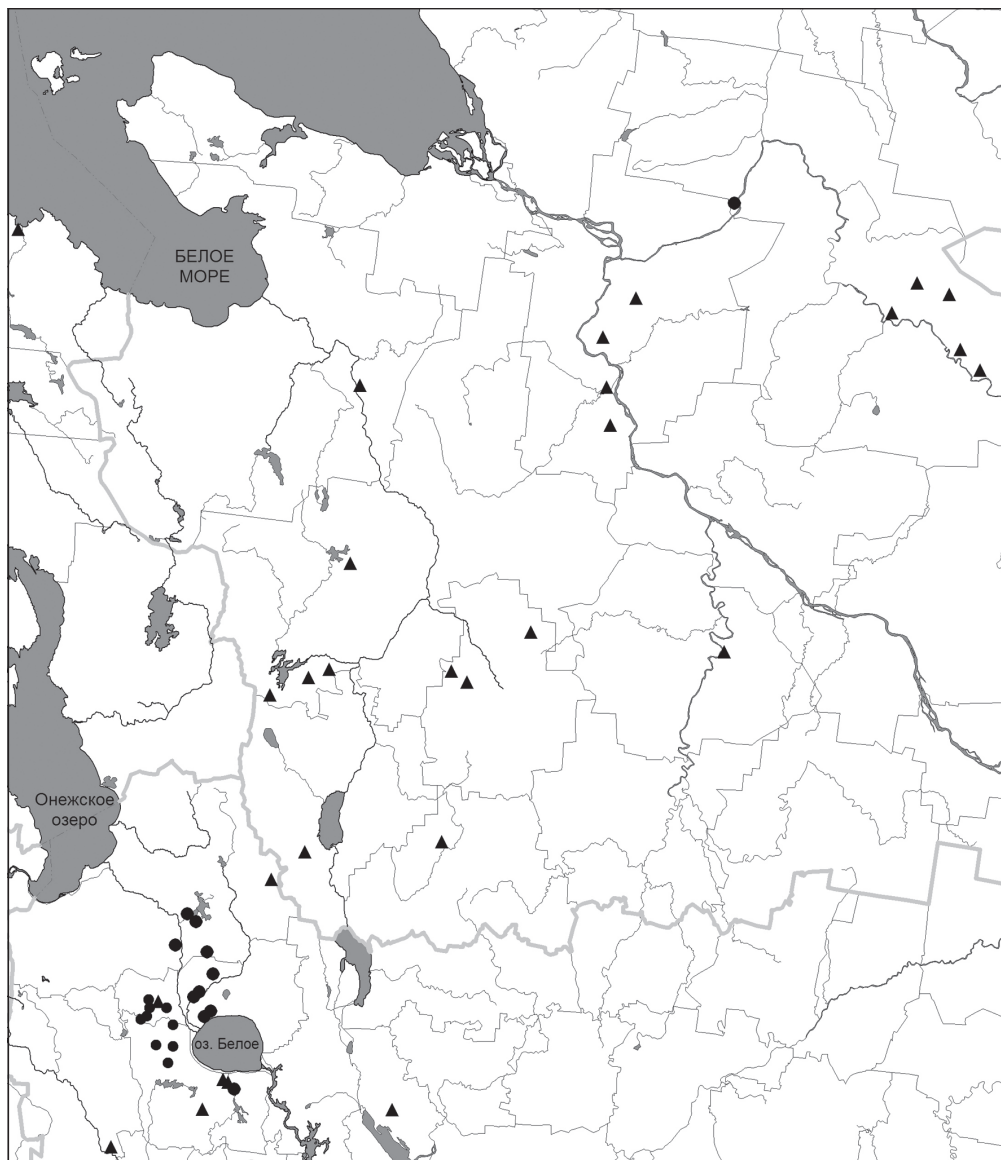
Установить ареальную дистрибуцию терминов *похта* и *пахта* в топонимии достаточно трудно, поскольку в большинстве случаев они являются детерминантами сложных топонимов и находятся в безударном положении, т. е. в позиции неразличения. Следовательно, при установлении ареальных отношений достоверными могут считаться только данные, отражающие функционирование термина в самостоятельном топонимическом употреблении и в топонимах-словосочетаниях. Судя по этим данным, вариант *похта* преобладает в Белозерье: бол. *Лундозерская Похта*, бол. *Морозерская Похта*, бол. *Моховецкая Похта*, бол. *Пахмозерская Похта*, бол. *Сотозерская Похта*, пок. *Тоозерская Похта* (Бел); бол. *Большая Похта* и *Маленькая Похта*, бол. *Вешкомская Похта*, бол. *Ковжинская Похта*, бол. *Похта*, бол. *Соколья Похта*, бол. *Ярбозерская Похта* (Ваш); бол. *Похта*, бол. *Ужельская Похта* (Выт).

Вариант *пахта* распространен на более широкой территории — в бассейне Пинеги и Северной Двины, а также на северо-востоке Костромской области: бол. *Вальдёвская Пахта*, бол. *Пахта*, бол. *Пахта Чордовская* (Пин); бол. *Пахта*, бол. *Чистая Пахта*, оз. *Шупахта* (*Шупохта* < **Шубпохта*⁴) (Холм), пок., руч. *Пахта* (Ней). При этом из-за отсутствия дифференцирующих примеров невозможно сделать окончательный вывод о характере гласного в первом слоге термина в Кенозерье, в бассейнах Онеги и Моши и в ряде других мест, ср.: бол. *Нешпахта* (*Нешпохта*, *Нежпохта*) (Карг); р., руч. *Пошпахта* (Кон); бол. *Вайпахта* (*Вайпохта*), бол. *Лумпахта* (Нянд); бол. *Торпохта* (*Торпахта*) (Он); бол. *Вайлапахта*, бол. *Валгапахта* (*Валдапахта*), бол. *Гойпахта*, бол., оз. *Лёпахта* (Плес); б. д. *Колпохта* (*Колпахта*) (У-Куб) и др. Отметим, что изредка термин встречается в качестве атрибута сложных топонимов, ср. пок. *Пахтабал* (Бел), оз. *Пахтозеро* (Бел, Нянд, Шенк). В связи с ареальной дистрибуцией рассматриваемых вариантов термина см. карту 4.

При всей неоднозначности представленная ситуация, тем не менее, дает основания для реконструкции в субстратном языке Белозерья оригинального ландшафтного термина с финно-угорскими истоками⁵.

⁴ В данном случае реконструкция топоосновы опирается на фиксацию смежного названия *Шубпожня*.

⁵ Выдвигавшаяся ранее версия о связи этого ландшафтного термина с приб.-фин. *pehka*, *pehku*, *pehko*, *pehk* 'гнилая трухлявая древесина', фин. *pehkestyä*, вепс. *pehkestuda* 'плесневеть, преть, гнить' [Муллонен, 2002, 64; Захарова, 2012] нуждается в дальнейших доказательствах, поскольку содержит некоторые ареальные противоречия.

Карта 4. Термины *poxta* и *paxta* в топонимии Белозерья

● — топонимы с компонентом *poxta*

▲ — топонимы с компонентом *paxta*

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в случае с известным в топонимии Белозерья ландшафтным термином *лохта*, для которого имеется более широко распространенный вариант *лахта*, соответствующий современным прибалтийско-финским данным, ср. фин., ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht*, карел. *lakši*, *laksi*, эст. *laht* 'залив' = саам. швед. *luokt*, *luokta*, Луле *luokta*, саам. норв. *luokta*, ин. *luoh̄t*, кильд. *lūxt* 'залив' [SKES, 269].

-*лахта*: уроч. *Кукалахта*, залив *Риблахта* (*Рыблахта*), залив *Юрлахта*;

-*лохта*: залив *Вальнехта* < *Вал(ь)лехта* < *Вальлохты*, залив *Куколохта* (*Куколовка*), залив, бол., оз., мыс *Рыблехта*, залив *Юрлехта*.

Термин известен в виде детерминанта сложных топонимов, где он является безударным, в результате чего все топонимы записаны и с вариантом *-лохта*, и с вариантом *-лахта*. Поэтому верифицирующим можно считать лишь название д. *Лохта*, где гласный находится в сильной позиции. Карта, отражающая распределение вариантов *лахта* и *лохта* в лексике и топонимии, представлена в [Матвеев, 2001, 339].

Отдельного внимания заслуживает функционирование в топонимии Белозерья детерминанта *-мень*, поскольку в таком варианте он имеет только два ареала бытования — Белозерье и Пинежье. В топонимии Белозерья детерминант употребляется преимущественно по отношению к островам на болоте и сельхозугодьям: пок. *Ваносмень*, о-в на бол. *Дальний Ваносмень*, о-в на бол. *Вашкомень*, б. д. *Веромень*, о-в леса *Верумянка* (*Вырумянка*) (< **Веромень*), лес *Келдомень*, поле, лес, уроч. *Кызгомень*, мыс, пок. *Остромень*, пок. *Падомень*, о-в на бол. *Полосмень*, мыс, о-в, лес *Пыжемень*, бол., уроч. *Рыдомень*, уроч. *Устомянка* (< **Устомень*), мыс, уроч. *Чагомень*, о-в леса на бол. *Шундомень*, бол., поле *Ягломень*, бол. *Яшкомень*.

Детерминант *-мень* традиционно считается фонетическим вариантом более широко распространенного детерминанта *-нем*. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что топонимы с детерминантом *-мень* образуют зоны плотного скопления в юго-западном Белозерье и в бассейне Пинеги, а за пределами этих ареалов встречаются очень редко. Возможно, это свидетельствует либо об одновременном освоении юго-западного Белозерья и бассейна Пинеги русскоязычными поселенцами (поскольку результаты преобразования топонимов идентичны), либо о том, что сами исходные топонимические системы были близки друг другу (между Белозерьем и бассейном Пинеги имеется и ряд других топонимических параллелей). Ранее считалось, что эта близость может объясняться карельским влиянием, однако, судя по нашим примерам, речь идет о более древнем взаимодействии. Следует также обратить внимание на то, что, в отличие от прочих случаев употребления детерминанта *-мень*, в юго-западном Белозерье более половины топонимов на *-мень* применяется для обозначения островов на болоте. Основы этих топонимов с трудом поддаются этимологизации. Некоторые из них имеют прибалтийско-финские параллели: *Вашкомень* — ср. фин.,

карел. *vehka* ‘белокрыльник’, вепс., люд. *vehk* ‘вахта трехлистная’ [SSA, 3, 421]⁶; *Веромень* — ср. карел. *vieri*, люд. *vier*, вепс. *ver’* ‘бок, край, сторона’ [Там же, 434]; *Падомень* — ср. фин., карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’ [Там же, 2, 324]. Другие топоосновы соотносятся с саамскими данными: *Ваносмень* — ср. прасаам. **vəŋes*, саам. сев. *vânâs*, ин. *voonas*, колт. *võdnâs*, кильд. *vēns*, тер. *vəns* ‘лодка’ [Lehtiranta, 1989, 142–143]; *Пыжемень* — ср. прасаам. **pēsē*, саам. сев. *bâsse*, ин. *pase*, колт. *pââ’ss*, кильд. *pā’ss*, тер. *pəŋse* ‘святой’ [Там же, 96–97]; *Шундомень* — ср. прасаам. **suntē* (< приб.-фин.), саам. норв. *sud’de* ‘талый’ [Там же, 126–127]. Основы топонимов этой группы имеют параллели среди топонимов Белозерья с другими детерминантами, ср. *Кызгомень* и *Кызголойда*, *Ваишгомень* и *Ваишгозеро*, *Келгомень* и *Келгозеро*, *Рыдомень* и *Рыдоги*, *Чагомень* и *Чагода* и др., что позволяет относить эти названия к одному хронологическому пласту.

Необходимо отметить, что в юго-западном Белозерье детерминант засвидетельствован также в варианте *-нем*. Объекты, называемые с его помощью, разнообразны: мыс, пок., уроч. *Воз(ь)нем* (также *Возьмин*), о-в *Выишем*, б. д. *Сюрнем*, мост *Сюрнемский мост*, но и *Сюрмин*, *Сюрмино*, *На Сюрмине*, *У Сюрминского моста*; ср. также б. д. *Немгор*, руч. *Немец* — ср. фин., карел. *niemi*, люд. *niemi(i)*, вепс. *net* ‘мыс’, вод. *net* ‘мыс, луг на берегу’, эст. *neet* ‘мыс’ [SSA, 2, 216]. Несмотря на то, что названия на *-нем* хорошо соотносятся с прибалтийско-финскими данными, в языковом отношении их невозможно определить каким-то более конкретным образом. Лишь атрибутивная часть названия б. д. *Сюрнем* может быть соотнесена с приб.-фин. *surjä* ‘бок, край, конец’, ‘горка, холм, возвышенность’, тогда как основы топонимов *Вознем* и *Выишем* не этимологизируются из прибалтийско-финских языков.

Детерминант *-бой/-буй* также имеет белозерскую (в широком смысле) географию. В топонимии юго-западного Белозерья он отмечен в следующих названиях: руч. *Избой*, руч. *Кибуи* (*Кибой*, *Тибой*), о-в на бол., уг. *Куземой* (*Кузобай*, *Кузев*, *Кузобово*), руч., о-в на бол. *Лёдбой*, руч., оз. *Ольхобой*, мыс, р., уроч. *Солбуи*, р., руч. *Чужбойка* — ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* ‘ручей’, ‘канавы’, лив. *v(u)ojā* ‘заполненная водой ложбина’ = саам. *viäjj* (кильд., йок.) ‘ручей’ (? < фин. или карел.) [SSA, 1, 262]; ср. также саам. *uoij*, *oj*, *viui*, *uaj*, *viui* ‘ручей’ [KKLS, 765]. Представляется, что в Белозерье следует учитывать прежде всего саамские данные. Наиболее многочисленны названия с детерминантами *-бой/-буй* именно в Белозерье, а также между озерами Воже и Лача. Очевидно, что детерминант имеет параллели на более западных территориях, в субстратной топонимии на *-ой*, *-оя*, связанной по происхождению с приб.-фин. *oja* ‘ручей’.

К числу типично белозерских относится и детерминант *-бал*, фиксируемый на этой территории преимущественно в ойконимах: б. д. и к. д. *Андобал* (*Андопал*),

⁶ Фонетическое своеобразие топоосновы *Ваишк*- свидетельствует, видимо, о ее более глубоких, чем собственно прибалтийско-финских, этимологических истоках.

к. д. *Вадбал* (*Ватбал*), б. д. *Кодобал*, б. хут., уроч. *Сянобал* (*Чанобал*), д. *Турпал*. Два первых ойконима этого ряда зафиксированы как местности *Андопал* и *Вадбал* уже в документах XV в., причем на их древность и значимость для региона указывает то обстоятельство, что они являются центрами погостов XV–XVI вв. — Успенского и Егорьевского / Георгиевского соответственно. Истоки форманта, ареал которого простирается от Мезени и Кулая на северо-востоке до Костромской, Ярославской, Владимирской и Московской областей на юго-западе, обсуждались многократно. Исследователи в целом солидарны в том, что имеется в виду термин, обозначающий поселение, свойственный целому ряду финно-угорских языков, в том числе утраченным мерянскому, севернофинским, чудскому [Матвеев, 2001, 206–211; Альквист, 2000; Шилов, 2001б, 17–26; Saarikivi, 2006, 32].

Как показывает анализ материала, в топонимии рассматриваемой нами зоны присутствует и доприбалтийско-финское, и явное прибалтийско-финское наследие, правда, его истоки неоднозначны. Близость вепсской этноязыковой территории служит убедительным основанием для поиска на Андозере собственно вепсского наследия. При этом, однако, далеко не все этимологические интерпретации укладываются в соответствующий вепсский ряд — как топонимический, так и собственно языковой; при анализе названий встречаются определенные фонетические сложности. Наиболее перспективными поиски вепсского топонимического наследия оказываются среди топонимов-полукалек, таких как *Маткозеро* — ср. вепс. *matk* ‘путь, расстояние’ [СВЯ, 322], *Сывозеро* — ср. вепс. *süvā* ‘глубокий’ [Там же, 536] и др. В поисках общего прибалтийско-финского наследия значимы топонимы с формантом *-Vч*: руч. *Варбач* — ср. фин. *varpu*, карел. *varpa*, вепс. *varb* ‘ветка, прут’ [SSA, 3, 411]; оз. *Копач* — ср. карел. *kuorpa*, вепс. *kor* ‘яма’ [Там же, 1, 441]; оз. *Ланач* — ср. фин. *lappea*, карел. *lape-*, вепс. *lapt* ‘боковой, расположенный сбоку’ [Там же, 2, 48] и др. В то же время ни один из названных топонимических типов не является исключительно вепсским, а некоторые топонимы имеют только саамские параллели при отсутствии прибалтийско-финских: оз. *Карасозеро* — ср. саам. *kāreš* ‘узкий, тесный’ [KKLS, 93] (ср. также этимологию, предложенную для топонима *Карасозеро* в Заонежье [Муллонен, 2008, 164]); д. *Шубач* — ср. прасаам. **supē*, саам. сев. *suppe*, ин. *sure*, колт. *sui’pp*, кильд. *su’bb* ‘осина’ [Lehtiranta, 1989, 126–127] и др.

В исследованиях последнего времени высказывается перспективная мысль о том, что до славянизации Белозерье могло входить в ареал южной группы прибалтийско-финских языков, что подтверждается, в частности, реконструкцией в топонимии средних по подъему прибалтийско-финских гласных [Saarikivi, 2006]. Кроме того, сосуществование внутри одного топонима структур с «финскими» и «саамскими» этимологиями (*Ваносмень*, *Шундомень*, *Кибой* и т. п.) позволяет предполагать бытование на Андозере особого языка прибалтийско-финско-саамского типа. Выше было показано, что топонимический материал содержит некоторый ряд ландшафтных терминов, детерминантов и атрибутивных элементов

сложных топонимов, которые допускают саамскую этимологию. При этом, однако, все выявленные элементы относятся к финно-угорскому пласту саамской лексики, который продолжается и в саамских, и в прибалтийско-финских языках. Среди них нет убедительных следов второй составляющей саамского языкового наследия — так называемого протосаамского компонента, который исследователи в последнее время склонны характеризовать как палеоевропейский (впервые в работе [Aikio, 2004]). В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения белозерского материала к сугубо саамскому наследию. Видимо, речь должна идти о финно-угорском языке, относящемся к западной группе уральской языковой семьи, который, с одной стороны, не поглотил субстратный языковой элемент (условно палеоевропейский), являющийся существенным маркером саамской речи, а с другой стороны — не испытал в полной мере германского воздействия, которое сыграло принципиально важную роль в формировании прибалтийско-финских, а также (в определенной степени) саамских языков. Очевидно, формирование собственно саамских и прибалтийско-финских языков происходило к северо-западу от Белозерья.

В данном контексте надо полагать, что и некоторые прибалтийско-финские дистрибутивные элементы, свойственные топонимии Белозерья, в действительности могут интерпретироваться не как собственно прибалтийско-финские, проникшие в Белозерье с «финским» (в широком плане) продвижением, но как восходящие к местному белозерскому финно-угорскому языку. Особенно показательны в этом плане сложные топонимы с белозерскими детерминантами, что, соответственно, предполагает, что атрибут генетически должен быть либо старше детерминанта, либо одного возраста с ним. Поэтому, например, методически неверно искать собственно прибалтийско-финские этимологии для топонимов с детерминантами *-солово* или *-бой* — даже при том, что для их интерпретации могут привлекаться прибалтийско-финские данные. Так, в названии ручья *Кибой* атрибутивный элемент *ки-* в принципе сопоставим с приб.-фин. *kivi* ‘камень’, однако в связке с белозерским детерминантом он должен быть отнесен к языку белозерцев, в котором присутствовала древняя лексема, известная и большинству современных финно-угорских языков⁷. В этой же парадигме должен рассматриваться атрибут топонима *Кузебой* (ср. приб.-фин. *kuusi* ~ *kuz*’, саам. *guossâ* ‘ель’) с глубокими финно-угорскими и даже уральскими корнями [SSA, 1, 460] и некоторые другие примеры. Подобный генезис А. К. Матвеев предполагал для андомозерских топонимов *Лохта*, *Солмас*, а также для топонимических элементов *-нем(а)* и *-мень*, которые, расшифровываясь на основе данных прибалтийско-финских языков, в действительности могут представлять собой реликты утраченного языка [Матвеев, 2001, 182–183].

Для решения вопроса о принадлежности топонимов к конкретному «финскому» языку необходимо дать ответ на сложный вопрос об этноязыковых истоках

⁷ В саамских языках для обозначения камня используется лексема *gæd'ge* < **keðkē*, которая рассматривается как протосаамское наследие [см., например: Saarikivi, 2006, 207–208].

субстратной довепской топонимии, чтобы установить критерии ее отличия от вепсской, а также более тщательно разработать механизмы усвоения вепсской топонимией предшествующего пласта названий. Не менее существенно найти убедительные обоснования, особенно ареального плана, восточных границ южной группы прибалтийско-финских языков.

На представленном выше прибалтийско-финско-саамском фоне топонимы с волжско-финскими / мерянскими корнями не столь очевидны — прежде всего в силу относительно слабой изученности финно-угорского субстрата Верхневолжья, а также из-за значительной размытости волжско-финского / мерянского слоя более поздними напластованиями. Надо полагать, что эти древнейшие субстратные факты следует искать среди речных наименований, большинство из которых в настоящий момент не поддается этимологизации, ср.: *Быча, Вайка (Ваетка, Ватка), Кустова (Кушитовка, Кушева, Куштоба), Лянга, Мига, Молменка, Шулма, Шуньжоп*. Нет пока удовлетворительной этимологии и для потапонима *Андога* [см.: Матвеев, 1995; Шилов, 2001a]. В этом контексте определенный интерес представляет название реки *Визьма*. Будучи одним из значительных притоков Андоги, Визьма тем не менее уступает ей в размерах, в силу чего название с осторожностью может быть вписано в ряд поволжских (басс. р. Ока) гидронимов *Вязьма, Вяземка, Вязера, Вязьрь* и др., в которых реконструировано мерянское / муромское **vāz* ‘маленький’ [Rahkonen, 2013, 209]. Слово имеет убедительную волжско-финскую этимологию, а также устойчивый ареал, в том числе в Верхнем Поволжье. Фонетический облик белозерского названия (гласный *и* в основе) может быть вызван особенностями адаптации.

Из озерной гидронимии интересующей нас зоны наиболее перспективно в контексте поволжских связей название озера *Ухтомъярское*, в основе которого лежит ф.-уг. **ukti* ‘путь, дорога’ [Sammallahti, 1988, 537], многократно актуализированное в наименованиях водораздельных озер и рек и маркирующее древние волокы. Ареал топоосновы широк, а его уплотненный центр тяготеет к Верхнему Поволжью, что дает основания считать модель мерянской [Rahkonen, 2013, 207–208]. Озеро Ухтомъярское расположено на северной границе бассейна Андоги, в которую оно стекает по р. Маттерка (на старых картах — р. Ухтома), и лишь незначительный по протяженности водораздел отделяет его от реки Тойцы, текущей на север в Мегру и далее в Белое озеро. В этой цепочке показательно название реки *Маттерка*, в котором скрывается лимноним, т. е. название того озера, из которого река вытекает: это прибалтийско-финское **Mat'ar < *Matkjärv* ‘волоковое озеро’ (ср. элемент *-яр* в *Ухтомъярское < *Uhtomjärvi*). Перед нами, таким образом, два названия одного озера: *Ухтомъярское* и **Mat'ar*, из которых второе, этимологически прозрачное, является переводной прибалтийско-финской калькой первого, т. е. топоосновы *uht-* и *matk-*, имеющие разные языковые истоки, семантически идентичны. Основа *matk-* в названии водораздельного озера (**Mat'ar*) достаточно однозначно свидетельствует о том,

что волок из бассейна Андоги на Белое море использовался и в прибалтийско-финское время.

С другой стороны, ареал обеих приведенных выше основ (**vāz*, **ukti*) выходит за пределы Белозерья на север, в частности в Карелию, что указывает на продвижение населения за северные пределы Белозерья. Это, в принципе, укладывается в гипотезу о западной группе уральских языков (современные мордовские, самские и прибалтийско-финские языки), имеющих общие праязыковые истоки.

Таким образом, поиск топонимических границ, которые часто совпадают с природными и культурными границами, в Белозерье представляется достаточно перспективным. Анализ рассмотренных географических терминов, представленных в виде детерминантов сложных топонимов, показывает, что некоторые из них — сугубо белозерское явление, другие же имеют соответствия на смежных севернорусских территориях в виде фонетических вариантов, что может свидетельствовать о разном времени усвоения терминов или об их разных языковых истоках. Отдельные детерминанты, представленные в Белозерье, фиксируются и в Пинежье, что косвенно указывает на некие параллели (временные или языковые) в освоении данных территорий. Ряд белозерских терминов составляет оппозицию прибалтийско-финским, тем самым маркируя границу между территориями расселения вепского и дорусского населения Белозерья, этноязыковую принадлежность которого еще предстоит выяснить.

Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // *Вопр. языкознания*. 2000. № 2. С. 15–34.

Захарова Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // *Труды КарНЦ РАН*. № 4. Сер. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 3. С. 185–190.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, г. Екатеринбург).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898.

Матвеев А. К. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // *Вопросы региональной лексикологии и ономастики : межвуз. сб. ст., посвящ. 70-летию Ю. И. Чайкиной* / отв. ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда : Русь, 1995. С. 81–86.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : ПетрГУ, 2002.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2008.

Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепской этнической территории // *Труды КарНЦ*. 2012. № 4. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 13–24.

- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.
- Новгородский сборник — Новгородский сборник : материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей : в 5 вып. / под ред. Н. Богословского. Новгород : Тип. Сухова и Классона, 1865–1866.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л. : Наука, 1972.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1987. С. 95–109. (Вопр. ономастики. Вып. 18).
- Тихомирова Н. П. Диалектные основы белозерских гелонимов // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2009 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука, 2009. С. 354–359.
- Топонимика Кенозера — Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера» / сост. В. Я. Дерягин и др. Ч. 2. Архангельск : Изд-во Арханг. пед. ин-та им. М. В. Ломоносова, 1987.
- Чайкина Ю. И. О субстратных топонимах с формантом *-гумзь (-гумезь)* в Белозерье // Русская топонимия и географическая терминология / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : УрГУ, 1977. С. 119–123. (Вопр. ономастики. Вып. 12).
- Шилов А. Л. К происхождению севернорусских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 7. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001а. С. 54–160.
- Шилов А. Л. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 20016. № 6. С. 13–27.
- Aikio A. An essay on substrate studies and the origin of Saame // Etymologie, Entlehnungen. Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag / toim. I. Hyvärinen, P. Kallio, J. Koivulehto. Helsinki : Societé Néophilologique, 2004. (Mémoires de la Societé Néophilologique de Helsinki 63).
- Álgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta / Kotimaisten kielten keskus. URL: <http://kaino.kotus.fi/algui/index.php>
- KKLS — Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958. O. I–II. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XV).
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Rahkonen P. South-Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä : Bookwell Oy, 2013.
- Saarikivi J. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu : Tartu Univ. Press, 2006.
- Sammallahti P. Historical phonology of the Uralic languages // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. by D. Sinor. Leiden ; New York ; København ; Köln : Brill, 1988.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XII).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).
- Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 228).

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

балт.	балтийские языки	олон.	олонецкое наречие русского языка
вепс.	вепсский язык	прасаам.	прасаамский язык
вод.	водский язык	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
ин.	диалект Инари саамского языка	саам.	саамский язык
йок.	диалект Йоканьга саамского языка	саам. Луле	диалект Луле саамского языка
карел.	карельский язык	саам. норв.	норвежско-саамский язык
кильд.	кильдинский диалект саамского языка	саам. сев.	северносаамский язык (= норвежско-саамский язык)
колт.	диалекты колтта саамского языка	саам. швед.	шведский диалект саамского языка
лив.	ливский язык	тер.	терский диалект саамского языка
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка	фин.	финский язык
люд.	людиковский диалект карельского языка	ф.-уг.	финно-угорский праязык
		эст.	эстонский язык

В названиях географических объектов

б. д.	бывшая деревня	о-в	остров
б. хут.	бывший хутор	оз.	озеро
басс.	бассейн	пок.	покос
бол.	болото	р.	река
г.	гора	руч.	ручей
д.	деревня	уг.	угодье
к. д.	куст деревень	уроч.	урочище

В названиях районов

Баб	Бабаевский район Вологодской области	Ник	Никольский район Вологодской области
Бел	Белозерский район Вологодской области		
Ваш	Вашкинский район Вологодской области	Нянд	Няндомский район Архангельской области
Вель	Вельский район Архангельской области		
В-Т	Верхнетоемский район Архангельской области	Олон	Олонецкий район Республики Карелия
Выт	Вытегорский район Вологодской области	Он	Онежский район Архангельской области
Карг	Каргопольский район Архангельской области	Пин	Пинежский район Архангельской области
К-Б	Красноборский район Архангельской области	Питкярнт	Питкярнтский район Республики Карелия
К-Г	Кичменгско-Городецкий район Вологодской области	Плес	Плещинский район Архангельской области
Кем	Кемский район Республики Карелия	Прим	Приморский район Архангельской области
Кир	Кирилловский район Вологодской области	Свердл	Свердловская область
Кон	Коношский район Архангельской области	Сев. Урал	Северный Урал
Лен	Ленский район Архангельской области	Сегеж	Сегежский район Республики Карелия
Мез	Мезенский район Архангельской области	Суоярв	Суоярвский район Республики Карелия
Муез	Муезерский район Республики Карелия	У-Куб	Усть-Кубенский район Вологодской области
Ней	Нейский район Костромской области		

Уст Устьянский район Архангельской области
Холм Холмогорский район Архангельской области

Шенк Шенкурский район Архангельской области

* * *

Захарова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: katja.zaharova@mail.ru

Zakharova, Ekaterina Vladimirovna

PhD, Junior Research Fellow, Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk, Russia
E-mail: katja.zaharova@mail.ru

Макарова Анна Андреевна

кандидат филологических наук, инженер топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: toponimist@yandex.ru

Makarova, Anna Andreevna

PhD, Assistant, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: toponimist@yandex.ru

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
профессор кафедры прибалтийско-финской филологии
Петрозаводский государственный университет
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: mullonen@sampo.ru

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Professor, Chief Research Fellow, Department of Linguistic
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk, Russia
Professor, Department of Baltic-Finnic Philology
Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., 185910 Petrozavodsk, Russia
E-mail: mullonen@sampo.ru

Ekaterina V. Zakharova***Anna A. Makarova******Irma I. Mullonen***

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

**Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

IN SEARCH OF TOPONYMIC BORDERS IN BELOZERYE

The article presents some results of the expedition aimed at documenting toponymic and lexical substratal data in the Lake Beloye area (Belozerye). The survey was carried out in the summer of 2015 in the south-western part of Belozersky District around Lake Andozero, since it had been suggested that in this area there could exist a boundary separating the zone of substratal toponymy of Baltic-Finnic origin (the nearest Vepsian settlements are located in 70 km from the lake) from the zone of substratal toponymy of Volga-Finnic type (Lake Andozero is situated in the upper reaches of the Andoga River which is a part of the Volga basin).

The paper draws particular attention to the toponymic determiners derived from landscape terms of substratal origin. Their number and regularity, as well as their ability to serve as area markers make them the most reliable source for the reconstruction of the substratal language of Belozerye. Some of the analysed determiners (*-humuz'*, *-solovo*) are widespread only in the Lake Beloye area and may be associated with local substratal languages, while others (*-loida*, *-pohta*) have parallels in the toponymy of Baltic-Finnic type in the north and north-west of Belozerye.

Recent researches hypothesized that, before Slavicization, Belozerye could be a part of the area of the southern group of the Baltic-Finnic languages. The combination within one place-name of structures with “Finnish” and “Sami” etymologies (e.g. *Vanosmen'*, *Šundomen'*, *Kiboj*, etc.) suggests the existence of a specific language of Baltic-Finnic-Sami type in the Lake Andozero area. Apparently, this must be a Finno-Ugric language belonging to the western group of the Uralic language family which, on the one hand, did not absorb the substratal language (“Palaeo-European”, for convenience) serving as a marker of the Sami speech, and, on the other hand, did not fully experience the Germanic influence which played an important role in the formation of the Baltic-Finnic and, to some extent, Sami languages.

Key words: Russian language, Baltic-Finnic languages, Sami languages, substrate toponymy, geographic terms, Belozerye, toponymic area, etymology, language contacts.

Acknowledgements

This work was supported by the Foundation for Fundamental Linguistic Studies (<http://www.flli.ru>), project A-18 “Documenting Toponymic and Lexical Substratal Material in Belozerye” (directed by Irma Mullonen, Karelian Research Centre of the RAS), by the Russian Humanitarian Scientific Foundation (grant number 14-04-243a, project “Toponymic Models

of Karelia in the Spatiotemporal Context”), and the Ural Federal University Academic Excellence Program (2013–2020), Research Group “Popular Language Traditions as a Source of Historical and Cultural Information (Russian North, Middle Urals, Upper Volga River Area).”

- Ahlquist, A. (2000). Meriane, ne meriane... (I) [Merya, not Merya... (I)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 15–34.
- Aikio, A. (2004). An essay on substrate studies and the origin of Saame. In I. Hyvärinen, P. Kallio, J. Koivulehto (Eds.), *Etymologie, Entwicklungen und Entlehnungen. Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag* [Etymology, Developments and Borrowings. In Honor of Jorma Koivulehto for his 70th Birthday]. Helsinki: Societé Néophilologique.
- Älgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta [Etymological Database of the Sami Languages]. Retrieved from: <http://kaino.kotus.fi/aelgu/index.php>
- Bogoslavskii, N. (Ed.). (1865–1866). *Novgorodskii sbornik: materialy dlja istorii, statistiki i etnografii Novgorodskoi gubernii, sobrannye iz opisanii prikhodov i volostei* [The Novgorod Compilation: Materials for History, Statistics and Ethnography of the Novgorod Province, Gathered from the Descriptions of the Parishes and Townships] (Vols. 1–5). Novgorod: Tip. Sukhova i Klassona.
- Chaikina, Yu. I. (1977). O substratnykh toponimakh s formantom *-gumz'* (*-gumez'*) v Beloz'er'e [On Substratal Place-Names with the Formant *-humz'* (*-humez'*) in Belozerye]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Russkaia toponimiia i geograficheskaia terminologiia* [Russian Toponymy and Geographic Terminology] (pp. 119–123). Sverdlovsk: UrGU.
- Deriagin, V. Ia., et al. (Eds.). (1987). *Metodicheskie razrabotki dlja studentov pedinstitutov i uchitelei shkol po teme: «Toponimika Kenozera»* [A Study Guide for Students of Pedagogical Institutes and School Teachers on the Toponymy of Kenozerye] (Part 2). Arkhangel'sk: Arkhang. gos. ped. in-t im. M. V. Lomonosova.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Gerd, A. S. (Ed.) (1994–2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Territories] (Vols. 1–6). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [The Origin of Finnish Words. An Etymological Dictionary] (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Itkonen, E., Joki, A. J., & Peltola, R. (Eds.). (1955–1981). *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [A Etymological Dictionary of the Finnish Language] (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Itkonen, T. I. (1958). *Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja* [A Dictionary of the Skolt and the Kola Sami Language] (Vols. 1–2). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kopanev, A. I. (1951). *Istoriia zemlevladii Belozerskogo kraia XV–XVI vv.* [The History of Land Ownership the 15th–17th Centuries Belozerye]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
- Kulikovskii, G. I. (1898). *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [A Dictionary of the Olonets Regional Dialect in Its Everyday and Ethnographic Use]. SPb.: Izd. Otd-niia rus. iaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [The Common Sami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Matveyev, A. K. (1995). Kostromskoe *Andoba* (k merianskoi etimologii) [On the Meryan Etymology of the Dialectal Word *Andoba*]. In L. G. Iatskevich (Ed.), *Voprosy regional'noi leksikologii i onomastiki* [Issues in Regional Lexicology and Onomastics] (pp. 81–86). Vologda: Rus'.
- Matveyev, A. K. (2001). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–4) (Vol. 1). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisvir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [The Toponymy of Prisvirye: Problems of Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [The Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: Karel. nauch. tsentr RAN.
- Mullonen, I. I. (2012). Prirodnye i kul'turnye faktory formirovaniia vepsskoi etnicheskoi territorii [Natural and Cultural Factors behind the Formation of the Vepsian Ethnic Range]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN, 4. Ser. Gumanitarnye issledovaniia*, 3, 13–24.
- Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [The Russian Dialects of the Lake Onega Area. An Areal and Etymological Study of Vocabulary of Balto-Fennic Origin]. Saint Petersburg: Nauka.
- Rahkonen, P. (2013). *South-Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics*. Jyväskylä: Bookwell Oy.
- Saarikivi, J. (2006). *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu: Tartu University Press.
- Sammallahti, P. (1988). Historical Phonology of the Uralic Languages. In D. Sinor (Ed.), *The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.
- Shilov, A. L. (2001a). K proiskhozhdeniiu severnorusskikh toponimov s osnovoi *And-* [On the Origin of Northern Russian Place-Names with the Stem *And-*]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Investigations] (Issue 7, pp. 154–160). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta.
- Shilov, A. L. (2001b). O merianskikh toponimicheskikh indikatorakh (golos v diskussii) [About Meryan Toponymic Markers (A Contribution to the Debate)]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 13–27.
- Subbotina, L. A. (1987). Substratnye geograficheskie terminy v toponimii Belozer'ia [Substrate Geographic Terms in the Toponymy of Belozerye]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Formirovanie i razvitie toponimii* [Formation and Development of Place-Names] (pp. 95–109). Sverdlovsk: Izd-vo UrGU.
- Tikhomirova, N. P. (2009). Dialektnye osnovy belozerskikh gelonimov [Dialectal Stems of Belozerye Marsh Names]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2009* [Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects (Materials and Investigations)] (pp. 354–359). Saint Petersburg: Nauka.
- Tunkelo, E. A. (1946). *Vepsän kielen äännehistoria* [Historical Phonetics of the Vepsian Language]. Helsinki: [s. n.].
- Zaitseva, M. I., & Mullonen, M. I. (1972). *Slovar' vepsskogo iazyka* [A Dictionary of the Vepsian Language]. Leningrad: Nauka.
- Zakharova, E. V. (2012). Substratnye geograficheskie terminy v toponimii Vostochnogo Obonezh'ia [Geographical Terms of Substrate Origin in the Toponymy of Eastern Obonezhje]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN, 4. Ser. Gumanitarnye issledovaniia*, 3, 185–190.

Received 3 March 2016